

Культура

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

Секрет молодости
Моники Витти

Как-то Моника Витти с грустью заметила: «Увы, кино в моей жизни одержало верх над театром. Надеюсь, правда, не окончательно...» Сейчас, хорошо знакомая советскому зрителю по фильмам «Красная пустыня», «Затмение», «Не промахнись, Асунта!», после 20-летнего перерыва актриса снова на театральной сцене.

— Теперь навсегда, — говорит, не скрывая радости, Моника Витти.

Мы встретились в римском театре «Элизео». С его подмостков, будучи всемирно известной по фильмам «Красная пустыня» и «Затмение», актриса ушла в свое новое, без Антониони, «кинопутешествие» и вернулась в театр спустя два десятилетия в «Странной паре» — комической пьесе драматурга Нейла Симона.

— Что привело вас опять в театр?

— Желание посмотреть в глаза людям, для которых работаю. В кино такой возможности практически нет. Я почувствовала, что мне остро нужна живая человеческая реакция на все, что делаю в искусстве.

— Новой героиней в «Странной паре» вы рассмешили и растрогали публику. Смеясь, испытываешь боль за героиню. Таков был замысел?

— Фьоренца — покинутая мужем, но продолжающая любить женщина. Она, естественно, вызывает сострадание, симпатию. Но ее поглощенность бытом, неспособность выйти за круг стирки, глажки, готовки еды, ее паническое ощущение зависимости во всем от мужа — вызывают во мне протест. Полюбив героиню, я даю волю беззлойной иронии. Моя цель — посмеяться вместе с публикой над недостатками Фьоренцы, помочь ей увидеть себя со стороны. Женщины по природе своей — не комического склада. Они воспринимают жизнь почти всегда серьезно. Но все же уметь посмеяться над собой, сложившимися обстоятельствами полезно и женщинам. В противном случае жизнь предстанет сплошной драмой.

— У вас лично это получается?

— Думаю, да. Но пришло такое мироощущение не сразу. Еще в детстве я воспринимала мир трагически. Были моменты, когда хотелось умереть. Жизнь страшила меня. Внутреннюю неустроенность, незащищенность мою с болью почувствовал Микеланджело Антониони. Мы оказались настроенными как бы на одну эмоционально-психологическую волну. Поэтому в его фильмах «Затмение», «Красная пустыня» я в значительной степени играла самое себя. Стремилась донести до зрителя и режиссерскую, и собственную драму некоммуникабельности, разобщенности людей. Но уже тогда я уловила, что страх, тревога могут быть уравновешены в человеке иронией. Так от трагедий Эсхила, Шекспира, драм Брехта, Чехова, фильмов Антониони я пришла к комедии. Осознать в себе творческую возможность комического значило для меня очень многое. Не только в искусстве.

— Не боитесь, что в житейских буднях ирония может быть воспринята и понята обидчиво? Вокруг немало людей насмешливых, а не смеющихся.

— Это уже дело внутренней

культуры. Для меня ирония — своеобразный способ самозащиты, обретение равновесия в современной жизни. Она, конечно, не должна обеднять мир человека, приглушать в нем искренность, способность отзываться на горе, любить.

— Вот вы заговорили о способности любить. А в фильме Антониони «Затмение» героиня вашими устами произносит страшную фразу: «Может быть, лучше не знать друг друга, чтобы не полюбить... может быть, лучше не любить друг друга...» И при самой щедрой скидке на драматичность слова эти обжигают человеческую расщелинность. Вы отождествляете себя в них с героиней?

— Из-за этой фразы мы долго, мучительно спорили с Антониони. Я умоляла, настаивала отказаться от нее. Но Антониони остался непреклонным. Несмотря на то, что наши взаимоотношения были прекрасными, он доказывал мне драматическую сложность чувств между людьми в современном мире. Я вслесь пыталась продемонстрировать свое понимание человеческих чувств. Для меня отвергнуть их умом — значит отвергнуть саму жизнь. Человек знает, что рано или поздно умрет, но он не может жить, думая лишь о смерти. Так же нельзя отказаться от чувств только потому, что завтра они могут иссякнуть. Цинизм начинается там, где говорят: «Любить — значит смотреть на мир через розовые очки». Если так на самом деле, то все равно это лучше, чем смотреть через черные очки нелюбви. Я, например, болезненно переживаю, когда женщины и мужчины разводятся. Любый развод прибавляет обществу хотя бы одного нелюбящего. Становится страшно, когда подумаешь, как их много.

— Какие персонажи оставили в вашей жизни наибольший след?

— Навсегда со мной художественные образы из фильмов Антониони. В комедийном жанре многое дали мне роли в кинолентах «Не промахнись, Асунта!», «Драма ревности», «Звездная пыль». В последние годы особенно люблю персонажи из народа. Так называемые «простые люди» привлекают меня жизнелюбием, отзывчивостью.

— Это удивительно, что вам одинаково дороги как драматические, так и комедийные роли.

— Может быть, потому, что я сама составлена из разных «частей». Антониони первым подметил во мне проявление комического темперамента и убеждал не раз сняться в комедийном фильме. Я долго не решалась, не желая освобождаться от добровольного творческого «плена» Антониони. Но потом как-то сама почувствовала готовность посмеяться с людьми.

— Моника Витти — одна из немногих итальянских кинозвезд, отказавшаяся сниматься в Голливуде. Чем вызвано такое нежелание?

— Мне нравится работать в

Италии. 50 раз я отказывалась, обнаруживая глубокое несовпадение мироощущения американцев с собственным. Был страх разрушить грубостью или насилием, которыми изобилует американский кинематограф, обретенное душевное равновесие. Я люблю Италию, ее культуру, колорит, архитектуру. И, конечно, итальянцев — неустанных, богатых фантазией, жизнелюбивых людей. Итальянский дух помогает мне перебарывать страх перед жизнью.

— Своей работой вы стремитесь помочь людям?

— Было бы смешно придавать слишком большое значение ролям, которые я сыграла. Надеюсь по крайней мере на то, что плохому люди не научились от встреч с моими персонажами.

Потребность в труде я ощутила в 14 лет. И с тех пор ценю трудолюбие как одно из главных человеческих качеств. Ни что не дисциплинирует так, как ежедневная работа. Меня — человека неорганизованного в быту — особенно. Я встаю довольно рано, ложусь поздно и не устаю упиваться работой. В Академии драматического искусства, которую сама когда-то закончила, учу воспитанников труда, прививаю им профессионализм.

— Вашу творческую биографию называют счастливой. И прежде всего потому, что творческий вы росли среди крупных мастеров театра и кино.

— Это правда. Микеланджело Антониони — особая страница в моей жизни. Довелось также работать с драматургом Эдуардо де Филиппо, которого ставлю вровень с Пиранделло. Он знал человеческую душу, сильные и слабые стороны людей. Снималась вместе с Альберто Сорди — прирожденным комическим актером, с Марчелло Мастрояни. Рядом с писателем Итало Кальвино узнала глубокую интеллектуальность, высоту человеческого духа. Но выше других ставлю Чехова. Его творчество для меня — вершина в мировом театре. Люблю Чехова самозабвенно. Попав впервые в Москву, сразу попросила отвести меня в дом-музей писателя.

— Возвратившись в театр, вы, конечно, не забудете о кинезрителе?

— Нет-нет. Одна из моих последних работ в кино — фильм «Франческа принадлежит мне», снятый режиссером Роберто Руссо. Несмотря на занятость в театре «Элизео», я набросала план возможного нового фильма с этим режиссером.

— И последний вопрос. Проходят десятилетия, но вы по-прежнему выглядите молодой, обязательной женщиной. В чем секрет вашей молодости?

— Я мало загораю на солнце. Не выкурила за 55 лет ни одной сигареты. Не люблю спиртного. Но главный «секрет» — работа в театре, кино. Работа спасает меня в этой сумасшедшей и все же интересной жизни.

П. НЕГОИЦА.
[Соб. корр. «Труда»].

РИМ.